

Московский
педагогический
государственный
университет

О. В. Фидченко

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ
ВЛАСТИ
ПО УКРЕПЛЕНИЮ
АРМИИ И ФЛОТА
РОССИИ**

**второй половины
XIX – начала XX в.**

Москва 2015

Ольга Фидченко

**Деятельность светской и духовной
власти по укреплению армии и
флота России второй половины
XIX – начала XX в. Монография**

«МПГУ»

2015

УДК 94 (47).082+.083

ББК 63.3 (2)52

Фидченко О. В.

Деятельность светской и духовной власти по укреплению армии и флота России второй половины XIX – начала XX в. Монография / О. В. Фидченко — «МПГУ», 2015

ISBN 978-5-4263-0246-4

Монография посвящена политике светской и деятельности духовной власти, направленной на укрепление армии и флота России второй половины XIX – начала XX в. В работе представлен перечень и характеристики августейших солдат и моряков из династии Романовых, проанализированы конкретные усилия правительства Александра III и Николая II, а также великих князей Николая Николаевича (Старшего) и Александра Михайловича, направленные на поддержку армии и флота, а также рассмотрена деятельность августейших сестер милосердия и духовенства в армии и на флоте дореволюционной России. Активное обращение к опубликованным и ранее неопубликованным источникам позволило представить в более ярком свете пастырские труды военного духовенства на примере последнего протопресвитера российской армии и флота Георгия Иоанновича Шавельского, а анализ содержания его брошюры «Священник на войне» сделал возможным определение базовых направлений деятельности представителей духовного сословия в условиях военных действий. Актуализация хронологических и антропологических исследований «Дневника полкового священника» преподобноисповедника Сергия (Митрофана Васильевича Сребрянского) позволила определить роль и значимость священнической деятельности в походных условиях Русско-японской войны. Выводы, полученные в результате исследования вышеозначенных аспектов проблемы, свидетельствуют, что в условиях военного времени представители как светской, так и духовной власти дореволюционной России предпринимали колоссальные усилия для достижения победы на полях сражений. В целом представители верхов светской и духовной власти видели своей задачей через укрепление армии и флота сохранение и укрепление российской государственности. Для историков,

религиоведов, юристов, культурологов, политологов и всех, кто интересуется историей и культурой. Книга является важным пособием для студентов, преподавателей вузов и школ, изучающих Отечественную историю XIX–XX вв.

УДК 94 (47).082+.083

ББК 63.3 (2)52

ISBN 978-5-4263-0246-4

© Фидченко О. В., 2015

© МПГУ, 2015

Содержание

Введение	7
Глава I	10
§ 1. Августейшие полководцы и офицеры из династии Романовых второй половины XIX – начала XX в.	16
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Фидченко
Деятельность светской и духовной власти
по укреплению армии и флота России
второй половины XIX – начала XX в.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»

Рецензенты:

А. А. Чекалова, доктор исторических наук, профессор, РАН, Институт всеобщей истории

А. В. Святославский, доктор культурологии, кандидат исторических наук, профессор, МПГУ

На обложке – репродукция картины Н. Д. Дмитриева-Оренбургского «Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 г.» (1885 г.), Государственный Русский музей (г. Санкт-Петербург).

Введение

Начало XX в. в России ознаменовалось революционными событиями, приведшими к смене политического режима. Многие империи стояли на пороге своего разрушения и напоминали больного в состоянии агонии. Однако, на наш взгляд, этого нельзя сказать в отношении России конца XIX – начала XX в., поскольку время царствования Николая II являлось периодом самых высоких в истории нашей страны темпов экономического развития. Так, с 1880 по 1910 г. рост продукции российской промышленности превышал 9 % в год, и по данному показателю мы вышли на первое место в мире, опередив стремительно развивавшиеся тогда США [106, с. 7]. Сумма народных сбережений за 13,5 лет правления Александра III (с 1881 г. по 1 августа 1894 г.) увеличилась в 33 раза [47, с. 34]. В царствование Николая II сумма вкладов в сберегательные кассы, где сосредоточивались излишки главным образом малосостоятельных классов населения, с 300 млн руб. в 1894 г. выросла к 1913 г. до 2 млрд руб. (увеличение на 570 %), а к 1917 г. – до 5 млрд 225 млн руб. (увеличение на 1700 %) [47, с. 39].

Крестьянам накануне революции на началах собственности принадлежала вся пахотная земельная площадь в азиатской России и на началах собственности и аренды – 90 % всей площади в России европейской [47, с. 35]. По подсчетам А.Б. Горянина, освобождение крепостных в 1861 г. касалось только 28 % крестьянского населения, в то время как остальные крестьяне уже получили личную свободу в годы правления Николая I и ранее [61, с. 47].

Февральская революция началась со стычек в появившихся в феврале 1917 г. длинных очередях за хлебом. Но само появление этих очередей стало результатом провокаторских агитаций, в результате которых распространились слухи о наличии острого дефицита хлебных запасов, хотя на самом деле в России 1917 г. дефицита хлеба не было.

Исходя из сказанного, вполне понятным становится вывод исследователя начала XX в. В. Ф. Иванова о том, что причиной русского бунта была отнюдь не бедность материальная, а нищета духовная [47, с. 46]. Поэтому те преобразования в материальной сфере, которые принесла революция, России, по сути, не были нужны.

Традиционно важными инструментами самодержавия являлись российская армия и флот. И представители военных структур, конечно, были составной частью социальной базы империи. «Во всем свете у нас только два верных союзника – армия и флот: все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас», – любил повторять император Александр III.

Однако люди с оружием в руках могли не только активно помогать светской власти сохранять и приумножать ее внутри- и внешнеполитическое могущество, но, при отсутствии должного к себе отношения и поддержки, накапливали потенциал для обращения этого оружия против нее. Представляется, что именно в данной области взаимодействия правителей и людей военных были сосредоточены основные усилия со стороны светской и духовной власти для сохранения существовавшего строя.

Опыт, накопленный в результате участия России в войнах второй половины XIX – начала XX в., до революции и смены политического режима в стране учитывался и тщательно изучался. Среди таких работ можно назвать исследования А. Вендта [8], Е.М. Кирилова [51], Э. М. Мерзейовского [62], Н. Г. Николаева [66, 67], Б.С. Эсадзе [114].

Следующий, постреволюционный, этап в изучении военного опыта дореволюционной России, к сожалению, характеризуется резко критическим и предвзятым отношением исследователей – сторонников новой, советской, идеологии – к военному опыту предшественников. В таких тонах писал, например, М. И. Гайдук [36]. В изданиях В. О. Василенко [7] и Б. П. Кандидова [48] в резко уничижительной и клеветнической форме была представлена та роль, которую сыграла православная церковь в развитии армии, страны и общества в целом.

В условиях обострения отношений с Германией в 20-30-х гг. XX столетия встал вопрос о том, в чем заключались и каковы были военные наработки полководцев времен империи, которые можно было бы учесть и на которые можно было бы опираться в ходе приближающейся войны. Но и эти работы тоже не были свободны от идеологических штампов. Н. А. Левицкий в таком ключе писал о Русско-японской войне [60]. Под общей редакцией А. Г. Шляпникова, Р.А. Муклевича и проф. Б.И. Доливо-Добровольского вышла работа [57], в которой была показана роль русских армий в деле спасения Франции и Англии от военного поражения в Первой мировой войне. Русский военный теоретик Н. Н. Головин пришел к выводу, что сущность причин, по которым Россия по окончании Первой мировой войны не оказалась ни в лагере победителей, ни в стане побежденных, лежит именно в области анализа ее «живой силы» – психического состояния и социального самочувствия военнослужащих на фронте и гражданского населения в тылу [37]. Белоэмигрантский ученый А. П. Залюбовский подробно описал снабжение русской армии в Великую войну ружьями, пулеметами, револьверами и патронами к ним [46]. Наибольшую ответственность за войну возложил на царскую Россию итальянский ученый Ф. Нитти [69].

Уже в ходе Великой Отечественной войны советскими исследователями более остро была осознана необходимость изучения опыта ведения войн в царской России. Так, известным историком Е.В. Тарле был издан двухтомник «Крымская война» [96], где автор внес много нового в описание военных действий. Ф.И. Нотович на архивном материале проанализировал дипломатическую борьбу и захватническую политику германского империализма на Востоке в годы Первой мировой войны [70, 71]. Военная экономика в Первую мировую войну охарактеризована Г.И. Шигалиным [111].

Послевоенное время было также отмечено некоторыми работами, посвященными изучению внутренних проблем военной истории дореволюционной России. Так, о развитии Румынии в годы Первой мировой войны писал В. Н. Виноградов [9], тайная дипломатия во время Первой мировой войны описана В. В. Готлибом [39], история Сумского кадетского корпуса (1900–1950) – С. Я. Кремером [55], дипломатическая история Русско-японской войны – Б. А. Романовым [85].

Времена, близкие к развалу СССР, ознаменовались резким ростом интереса к военной истории дореволюционной России. Особое внимание уделялось опять же Первой мировой войне [73, 74], а также аспекты дипломатических отношений накануне той войны: А. С. Аветян [2], Дж. Джолл [43], Д.М. Проэктор [81], А. Л. Сидоров [93]. Событием в научном мире стал выход книги известного авиаконструктора И. И. Сикорского [94]. Особенно любопытной оказалась глава «Воздухоплавание во время войны 1914–1918 г.».

Огромная масса исследований различных аспектов, касающихся войн дореволюционной России, появилась в новейшее время. Пристальное внимание Первой мировой войне уделено А. И. Уткиным [98], Н. Д. Постниковым [77] и многими другими учеными. Особый вклад в изучение Первой мировой войны внес К. Ф. Шацилло [108, 109, 110].

Резко возрос интерес к Русско-японской войне. Ей посвятили свои работы такие исследователи, как А. С. Арутюнов [5], Н. В. Греков [40], С. Кремлёв [56], Н.Н. Непомнящий [65], С.Н. Семанов [91], А. В. Шишов [112]. Вышел сборник о той войне [86].

Имеются сайты, посвященные военной литературе, которые содержат в себе множество полезных и интересных текстов [90].

Наибольшее количество исследований, касающихся службы военных священников, проводилось в дореволюционное время. Подробная и обширная библиография таких работ, доведенная до наших дней, изложена в фундаментальных трудах К. Г. Капкова [49, с. 187–224; 50, с. 647–679].

В последнее время вышло в свет достаточно большое количество работ о службе военного духовенства на фронте. Вопросами созидательной деятельности светской и духовной вла-

сти в армии и на флоте в разное время занимались такие ученые, как Д. Б. Гришин [41], Ю. Н. Данилов [42], К. Г. Капков [49, 50], доктор военно-морских наук, профессор, действительный член Академии военных наук контр-адмирал Ю. Л. Коршунов [53], иерей А. А. Кострюков [54] и др. Наверное, можно считать чудом, что до наших дней сохранился дневник полкового священника прот. М.В. Сребрянского [95], который вообще не предназначался для публикации. Изданы также воспоминания последнего протопресвитера армии и флота Г. И. Шавельского [107].

Имеются, правда, пока еще очень немногочисленные издания и интернет-ресурсы, посвященные деятельности сестер милосердия из императорского дома Романовых [1, 92, 106].

Архивные документы из РГИА, ГА РФ, ЦИАМ, ВИА РФ, ставшие доступными сегодня, позволяют пролить свет на данную проблематику, избегая идеологических штампов.

Глава I

Августейшие солдаты и моряки из династии Романовых

Начиная с 1613 г., когда на русский престол взошел избранный царь Михаил Федорович Романов, и вплоть до свержения монархии в 1917 г. наша дореволюционная Россия знала многих представителей правившей династии, которые связали свою жизнь с армией и флотом. Их список далеко не исчерпывается такими известными реформаторами военного дела, как Петр Великий и Павел Первый. Особенно много их было в XIX в. Примечательно то, что почти все императоры, великие князья и князья императорской крови были людьми военными, поскольку военная профессия в великокняжеской среде традиционно считалась привилегированной.

Таким образом, являясь представителями аристократии, они совмещали свое знатное происхождение и привилегированнейшее положение в обществе с военной службой. При этом многие из них явили своей жизнью пример, достойный подражания.

Нужно особо отметить тот факт, что в дореволюционной России такое обыденное для современного человека занятие, как работа, обычно именовалось словом «служба». И это непосредственно отражалось на характере и результатах выполняемого труда. «Служить» означает приносить пользу другим, то есть не себе, а ближним. В этом смысле классическая русская литература дает нам массу материалов для подтверждения справедливости данного тезиса, поскольку герои произведений, например, Н. В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других писателей ходили именно «на службу». И относились к труду они истинно по-христиански. Так, Н. В. Гоголь своему «маленькому человеку» – главному герою повести «Шинель» – не случайно дал имя Акакий Акакиевич Башмачкин. Писатель назвал его в честь преподобного Акакия – юного послушника одного из египетских монастырей, который, по примеру Христа, «смирил себя и был послушен своему жестокому наставнику даже до смерти» [76, гл. 2, стих 8]. Более того, и после смерти на призыв жившего там великого старца: «Брат Акакий, умер ли ты?» – сей благоразумный послушник ответил: «Отче, как можно умереть делателю послушания?» Трогательную и поучительную историю о преподобном Акакии нам оставил египетский монах V–VI вв., игумен горы Синайской, прей. Иоанн Лествичник, прозванный Схоластиком, в своем бессмертном произведении «Лествица, возводящая на небо» [78, с. 99–102].

В повести «Шинель» не только имя, но и отчество главного героя апеллируют к преп. Акакию, из чего можно сделать вывод, что Акакий Акакиевич являл собой пример истинного смирения, послушания и жертвенного служения. Но с течением индустриального XIX в. такие люди и характеры, как Башмачкин, постепенно начали становиться анахронизмами. XX и XXI в. пошли еще дальше: сегодня жизненная позиция и отношение к труду, характерные для Акакия Акакиевича Башмачкина, считаются вообще не модными и не современными. Воистину, *mutantur tempora et nos mutamur in illis!*¹

В Государственном архиве Российской Федерации нам удалось обнаружить следующий документ 1885 г:

Таблица 1

Список лиц императорского дома, состоявших в обер-офицерских чинах, а также малолетних, числившихся в войсках (1885 г.)

¹ Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (латинская пословица).

№ п/п	Имя	По каким именно старшим гвардейским частям подлежат производству по линии их высочества (вел. кн. Николая Николаевича Старшего) (Уда они были зачислены с рождения. – О. Ф.)
1	Его Императорское Высочество государь наследник цесаревич Николай Александрович (родился 6 мая 1868 г.). Поручик с 30 авг. 1884 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
2	Его Имп. Высочество вел. кн. Георгий Александрович (род. 27 апреля 1871 г.). Подпоручик с 30 апр. 1884 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
3	Его Имп. Высочество вел. кн. Михаил Александрович (род. 23 ноября 1878 г.). Подпоручик с 30 апр. 1884 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
4	Его Имп. Высочество вел. кн. Кирилл Владимирович (род. 30 сент. 1876 г.). Подпоручик с 30 апр. 1884 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку

5	Его Имп. Высочество вел. кн. Борис Владимирович (род. 12 ноября 1877 г.). Подпоручик с 12 ноября 1884 г.	По Лейб-гвардии Семёновскому полку
6	Его Имп. Высочество вел. кн. Андрей Владимирович (род. 2 марта 1879 г.). Подпоручик с 12 ноября 1884 г.	По Лейб-гвардии Измайловскому полку
7	Его Имп. Высочество вел. кн. Павел Александрович (род. 21 сент. 1860 г.). Флигель-адъютант, ротмистр с 30 авг. 1882 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
8	Его Имп. Высочество вел. кн. Константин Константинович (род. 10 авг. 1858 г.). Флигель-адъютант, штабс-капитан с 30 авг. 1882 г.	По Лейб-гвардии Конному полку
9	Его Имп. Высочество вел. кн. Дмитрий Константинович (род. 1 июня 1860 г.). Флигель-адъютант, поручик с 8 авг. 1879 г.	По Лейб-гвардии Конному полку
10	Его Имп. Высочество вел. кн. Петр Николаевич (род. 10 января 1864 г.). Флигель-адъютант, поручик с 8 апр. 1884 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
11	Его Имп. Высочество вел. кн. Николай Михайлович (род. 14 апреля 1859 г.). Флигель-адъютант, ротмистр с 17 февр. 1881 г.	По Лейб-гвардии Конно-Гренадерскому полку
12	Его Имп. Высочество вел. кн. Михаил Михайлович (род. 4 окт. 1861 г.). Флигель-адъютант, поручик с 30 авг. 1882 г.	По Гвардейской Пешей артиллерии

13	Его Имп. Высочество вел. кн. Георгий Михайлович (род. 11 авг. 1863 г.). Флигель-адъютант, поручик с 30 авг. 1883 г.	По Лейб-гвардии Егерскому полку
14	Его Имп. Высочество вел. кн. Александр Михайлович (род. 1 апр. 1866 г.). Подпоручик с 30 авг. 1884 г.	По Гвардейской Пешей артиллерии
15	Его Имп. Высочество вел. кн. Сергей Михайлович (род. 25 сент. 1869 г.). Корнет с 25 сент. 1876 г.	По Лейб-гвардии Конно-Гренадерскому полку
16	Его Имп. Высочество вел. кн. Алексей Михайлович (род. 16 дек. 1875 г.). Подпоручик с 30 авг. 1884 г.	По Гвардейской Конной артиллерии
17	Его Имп. Высочество князь Георгий Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский (род. 17 февр. 1852 г.). Флигель-адъютант, капитан с 30 августа 1880 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
18	Его Высочество принц Ольденбургский. Поручик с 1 дек. 1880 г.	По Лейб-гвардии Преображенскому полку
19	Его Высочество герцог Георг-Александр-Михаил Георгиевич Макленбург-Стрелицкий. Поручик с 30 авг. 1882 г.	По Гвардейской Пешей артиллерии
20	Его Высочество герцог Карл-Михаил-Вильгельм-Александр-Август Георгиевич Макленбург-Стрелицкий. Подпоручик с 8 апр. 1884 г.	По Гвардейской Пешей артиллерии

[32, л. 1–5].

Как видим, в данном списке представлено 20 лиц императорского дома, которые числились по 6 прославленным гвардейским полкам русской армии и 3 артиллериям: по лейб-гвардии Преображенскому полку, лейб-гвардии Семёновскому полку, лейб-гвардии Измайловскому полку, лейб-гвардии Конному полку, лейб-гвардии Конно-Гренадерскому полку, лейб-гвардии Егерскому полку, лейб-гвардии Пешей артиллерии, лейб-гвардии Конной артиллерии, гвардейской Пешей артиллерии [32, л. 1–5].

Дворянство – изначально служилое сословие, которое появилось в России в XIV в., – иерархически возвысилось при царе Алексее Михайловиче в XVII в. Манифестом Петра III от 1762 г. «О вольности дворянства» было освобождено от обязательной службы государству Повинности, которые ранее возлагались на него законом, отныне были предоставлены гражданской совести его представителей. С этого момента дворян с рождения начали причислять к различным военным формированиям и, независимо от того, несли они в течение своей жизни воинскую службу или нет, продвижение вверх по военной иерархической лестнице им все равно было обеспечено. На наш взгляд, данный манифест обесценил и обесмыслил саму суть, функцию и назначение служилого сословия для государства, что в дальнейшем способствовало наращиванию имущественного и социального дисбаланса в российском обществе в целом.

По мысли Петра III, помещики, осевшие в деревне после освобождения от службы, должны были нести просвещение своим крестьянам, то есть по сути превратиться в аристократию. Но этого не произошло. Дворянство восприняло манифест как освобождение от каких бы то ни было обязательств по отношению к государству и начало стремительно деградировать.

Отношение помещиков к крестьянам до революции, особенно в эпоху крепостного права, зачастую приобретало столь вопиющие формы, что многие духовные иерархи, видя проявления подобных самочинств, чувствовали, писали и предостерегали, что они послужат серьезнейшим фактором накалывания социальных противоречий между богатыми и бедными [63, с. 40–42].

После революции, когда начали страдать уже «раздражавшие нищих», со стороны бывших дворян появились примеры понимания причин случившегося. В общем ключе эти причины могут быть высвечены выражением: «Это Федосьины внуки оплачивают за наших дедов!» [63, с. 42]. Данная фраза была произнесена во время Великой Отечественной войны одной эмигранткой, прежде очень богатой и знатной, у которой большевики убили единственного сына. Она, как понимающий человек и как христианка, давно простила убийц своего сына, не помышляла о возвращении «доброе старого времени» и молилась о победе советских людей над врагом, хотя жила тогда на милостыню американского народа и правительства [63, с. 42].

Лица царской фамилии с точки зрения земной человеческой логики вовсе не обязаны были нести военную службу. Однако на самом деле те Романовы, что не являлись непосредственными претендентами на царский престол, де-факто всегда с самого детства предназначались и готовились к военной карьере. В вопросе определения направления жизненного пути эти люди практически были лишены выбора. Вот как пишет об этом великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях: «Если к нам обращались с каким-нибудь вопросом то мы должны были отвечать в тех рамках, которые нам предписывал строгий этикет. За обедом, когда какая-нибудь дама с притворно сладкой улыбкой на губах спрашивала меня о том, кем я хотел бы быть, то она сама прекрасно знала, что Великий Князь Александр не может желать быть ни пожарным, ни машинистом, чтобы не навлечь на себя неудовольствия Великого Князя – отца. Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, Великий Князь Николай Николаевич-Старший, артиллерией, которая была в ведении моего отца, и военным флотом, во главе которого стоял мой другой дядя – Великий Князь Константин Николаевич. <...> Брат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора» [3, с. 31–32].

С 7 до 15 лет воспитание великих князей было подобно прохождению строевой службы в полку. Условия их жизни были максимально приближены к казарменным: сон на узких походных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски, подъем в 6 часов утра, строжайшее наказание тем, кто рискнул бы «поспать еще 5 минут», чтение утреннего молитвенного правила на коленях перед иконами, потом – холодная ванна. К завтраку подавались только чай и хлеб с маслом; все остальное – строго запрещено, чтобы не приучать молодых людей к роскоши.

Затем – уроки гимнастики и фехтования. Особое внимание уделялось практическим занятиям по артиллерии с применением пушки. «В возрасте 10 лет я мог бы принять участие в бомбардировке большого города», – писал великий князь Александр Михайлович [3, с. 28].

Уроки шли ежедневно с 8 до 11 утра и с 2 до 6 вечера. Учебная программа включала: Закон Божий, историю Православной церкви, сравнительную историю других исповеданий, русскую грамматику и литературу, историю иностранной литературы, историю России, Европы, Америки и Азии, географию, математику (арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию), так называемые новые языки (французский, английский, немецкий) и музыку. Сверх того обучали обращению с огнестрельным оружием, верховой езде, фехтованию и штыковой атаке. Иногда прибавляли латынь и древнегреческий.

В процессе обучения всегда присутствовала излишняя строгость наставников, что оставляло чувство горечи в душах их воспитанников. «Можно с уверенностью сказать, что современные любящие родители воспротивились бы, если бы их детей воспитывали так, как это было принято в русской Императорской семье моего детства», – вспоминал великий князь Александр Михайлович [3, с. 30].

Малейшая ошибка в немецком слове влекла за собой лишение сладкого. За ошибку в вычислении скоростей двух встречных поездов наказывали стоянием на коленях носом к стене в течение целого часа.

«Однажды, когда мы были доведены до слез какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны. Для меня навсегда останется непостижимым, как такая давящая система воспитания не притупила наши умы и не вызвала ненависти ко всем тем предметам, которым нас обучали в детстве» [3, с. 30].

Справедливости ради нужно сказать, что, наравне с великими князьями, претенденты на престол с детства также приобщались к военному обучению и воспитанию. Более того, «все монархи Европы, казалось, пришли к молчаливому соглашению, что их сыновья должны быть воспитаны в страхе Божьем для правильного понимания будущей ответственности перед страной. Много лет спустя, делясь воспоминаниями с германским императором Вильгельмом, я оценил сравнительную мягкость наших тифлисских учителей. Его наследник, германский кронпринц, женатый на одной из моих племянниц, сухо добавил, что количество наказаний, полученных в детстве отцом-монархом, не смягчает тропы испытаний, по которой идет его сын» [3, с. 30].

Впрочем, в течение своей жизни люди, принадлежавшие к царской фамилии, могли заниматься и другими, интересными им, профессиями. Так, например,

- болезнь туберкулезом легких заставила великого князя Петра Николаевича Романова (1868–1931) бросить военную службу и заняться архитектурой;

- великий князь Владимир Александрович Романов (1847–1909) являлся тонким знатоком искусства. Он рисовал, собирал старинные иконы, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Ненавидел политику и, по сути, с ним невозможно было разговаривать ни о чем, кроме искусства;

- истинным призванием великого князя Николая Михайловича Романова (1859–1919) были исторические изыскания. Его непревзойденная монументальная биография императора Александра I произвела фурор среди французских наполеонистов, заставив их пересмотреть, исправить и даже пересоставить ряд исторических трактатов. Французская Академия избрала его своим членом – честь, которой почти никогда не удостоивались иностранцы. После революции М. Горький просил у В. И. Ленина помилования для Николая Михайловича, которого глубоко уважали даже на большевистских верхах за его ценные исторические труды и всем известный передовой образ мыслей. Но это не помешало Владимиру Ильичу подписать ему смертный приговор со словами: «Революция не нуждается в историках!» [3, с. 145, 154, 155, 323–324].

Тем не менее в день своего совершеннолетия (в 20 лет) великие князья давали присягу императору. Сохранилось описание этого знаменательного события, принадлежащее великому князю Александру Михайловичу: «1 апреля 1886 г. я стал совершеннолетним. В 8 часов утра фельдъегерь доставил мне форму флигель-адъютанта свиты Его Величества. В Петергофском дворце состоялся прием, на котором присутствовали Их Величества, члены Императорской фамилии, министры, депутации от гвардейских полков, придворные чины и духовенство. После молебствия на середину церкви вынесли флаг Гвардейского скипажа. Государь подал мне знак. Я приблизился к флагу, сопровождаемый священником, который вручил мне два текста присяги: первый – присяги для Великого Князя, в которой я клялся в верности Основным Законам Империи о престолонаследии и об Учреждении Императорской фамилии, и второй – присяги верноподданного. Держась левой рукой за полотнище флага, а правую поднимая вверх по уставу, я прочел вслух обе присяги, поцеловал крест и Библию, которые лежали на аналое, подписал на присяжных листах, передал их министру Императорского двора, обнял Государя и поцеловал руку Императрице. Вслед за этим мы возвратились во дворец, где нас

ожидал торжественный завтрак, данный в мою честь для ближайших членов Императорской семьи. Традиции нашей семьи исключали мелодраматические эффекты, а потому никто не стал объяснять мне значения данных мной присяг. Да в этом и не было надобности. Я решил в моей последующей жизни в точности исполнять все то, чему я присягнул. Тридцать один год спустя я вспомнил это решение моей юности, когда большинство из моих родственников подписали обязательство, исторгнутое у них Временным правительством, об отказе от своих прав. Я родился Великим Князем, и никакие угрозы не могли заставить меня забыть, что я обязался “служить Его Императорскому Величеству, не щадя живота своего, до последней капли крови”» [3, с. 98–99].

Лица царской фамилии, особенно некоторые ее представители, трудясь на военном поприще, способствовали тому, чтобы Россия одержала немалое количество побед, прославивших нашу страну.

§ 1. Августейшие полководцы и офицеры из династии Романовых второй половины XIX – начала XX в.

Среди августейших полководцев и офицеров второй половины XIX – начала XX в. наиболее известными, на наш взгляд, были пятеро:

Ил. 1. Император Николай II (Романов) (1868–1918)

1. Последний император России Николай Александрович Романов, являвшийся Верховным главнокомандующим русской армией и флотом в самый победоносный для России период Первой мировой войны. Основным его вкладом в дело руководства страной во время Первой мировой войны было принятие на себя летом 1915 г. верховного командования русскими войсками. Последний российский император обладал ценнейшими для военачальника качествами: высоким самообладанием и редкой способностью быстро и трезво принимать решения в любых обстоятельствах. И как только помазанник Божий встал во главе армии, счастье вернулось к русскому оружию. Когда весной 1916 г. по его воле в войска из Московского Кремля привезли Владимирскую икону Божией Матери, перед которой стали служить молебны, царь приказал начать наступление на Юго-Западном фронте, закончившееся большим успехом. Знаменательно, что, пока Николай II возглавлял войска, неприятелю не было отдано ни пяди земли [105, с. 21].

Кроме того, по инициативе Николая II в 1906 г. русский флот обрел новый вид вооружения – подводный флот Российской империи. При этом первыми подводными лодками становились бывшие миноносцы, подвергавшиеся перестройке и усовершенствованию.

Ил. 2. Великий князь
Николай Николаевич Романов Старший (1831–1891)

2. Великий князь Николай Николаевич Романов Старший, третий сын Николая I, имел придворное прозвище – дядя Низи. Всю жизнь посвятил военной карьере, прошел путь от капитана до генерал-фельдмаршала русской армии. Был очень популярен среди офицерства [3, с. 145].

С рождения великий князь был записан в лейб-гвардии Саперный батальон. 27 июля 1831 г. стал шефом лейб-гвардии Уланского полка, которым являлся до своей смерти.

Военную службу начал в 1851 г. в лейб-гвардии Конном полку. В 1852 г., в чине генерал-майора, великий князь был назначен генерал-инспектором по инженерной части (фактически – с 1856 г.), а также командиром бригады в 1-й легкой гвардейской кавалерийской дивизии. В дальнейшем вся военная деятельность Николая Николаевича была связана с переустройством вооруженных сил Российской империи, особенно в области инженерного дела и кавалерийской службы [87].

С началом Крымской (Восточной, или Севастопольской) войны Николай I послал великого князя вместе с его братом Михаилом в действующую армию. 23 октября 1854 г. Николай Николаевич прибыл под Севастополь накануне Инкерманского сражения, в котором принял участие. За отличие в этом сражении получил орден Святого Георгия 4-й степени. С января 1855 г. руководил всеми инженерными работами, укреплениями и батареями на северной стороне Севастополя на участке от Константиновской батареи до Микензиевых гор [87].

С 1856 г. командовал дивизией гвардейской кавалерии; с 1859 г. – командир гвардейского резервного кавалерийского корпуса; с 1861 г. – командир отдельного гвардейского корпуса.

В 1869 г. великий князь назначен командующим войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. являлся главнокомандующим действующей армией на Балканах. В июне 1877 г. находился на рекогносцировке у Зимницы; в июле переправился через Дунай у Зимницы на Систово. Причем великий князь лично произвел тайную разведку берегов Дуная и выбрал место для переправы наших главных сил у Систова. При этом он отдал такие распоряжения, которые убедили всех, что переправа произойдет у Фламунды. Рано утром 16 июня началась переправа корпуса генерала Ф. Ф. Радецкого, и около часа дня наши войска уже утвердились на правом берегу Дуная. Вечером начальник штаба действующей армии, следивший за переправой, доложил великому князю, что Систово и окружающие высоты в наших руках. За этот успех великий князь был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени, о чем ему лично объявил император Александр II, провозгласивший «ура» главнокомандующему и войскам [68].

26 июня 1877 г. было получено известие о взятии кавалерией генерала И.В. Гурко Тырнова, доставившее великому князю особое удовлетворение: и как главнокомандующему, и как генерал-инспектору кавалерии. Эта победа дала возможность изменить план кампании на более решительный. Движение к Тырнову было настоящим триумфальным шествием: восторг населения, уверенного в том, что с появлением русских турецкое иго навсегда ушло в прошлое, был неопишем: всюду раздавались радостные крики: «Да живет царь Александр, да живет царь Николай!» Художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский в 1885 г. посвятил этому эпохальному событию свою знаменитую картину «Въезд великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 г.» (см. обложку данной монографии).

Вскоре была получена весть о взятии генералом Н. П. Криденером Никополя, но вслед за тем пришло известие о неудаче генерала Ю.И. Шильдер-Шульднера под Плевной. Это известие отразилось крайне неблагоприятно на состоянии здоровья великого князя: он почувствовал сильное недомогание, и только сочувственная телеграмма императора утешила его немного. Однако 19 июля от Н. П. Криденера была получена телеграмма о новой неудаче под Плевной: «Бой длился целый день, у неприятеля громадное превосходство сил, отступаю на Булгарени». В том бою русские потеряли свыше 7 тысяч человек.

Великий князь был крайне огорчен этой неудачей, но она побудила его к решительным действиям. Он телеграфировал императору о своем намерении «неприменно еще атаковать неприятеля и лично вести третью атаку». Но так как император не согласился на третью атаку Плевны, то решено было действовать выжидательно, стараясь выманить турок из укрепленных позиций в открытое поле, а самим укрепиться в занятых пунктах. Между тем турки, воспользовавшись приостановкой действий нашей армии, 9 августа начали атаковать перевалы. Несмотря на большой перевес, все атаки турок на Шипке были отбиты и позиция удержана, но они расположились в горах, окружив наши войска полукольцом. Великий князь очень много выстрадал за эти тревожные дни [68].

Художник-баталист В. В. Верещагин, сам участвовавший во многих боях той войны, запечатлел поражение под Телишем 12 октября 1877 г., в котором почти полностью погиб личный состав егерского полка.

Ил. 3. В. В. Верещагин. «Побежденные. Панихида по павшим воинам Гриницкого редута» (1877–1878 гг.). Государственная Третьяковская галерея (г. Москва)

23 августа 1877 г. генералом М. Д. Скобелевым и князем А. К. Имеретинским после 12-часового штурма была взята Ловча (Ловеч), и великий князь, боевые силы которого увеличились в это время более чем на 80 тысяч человек, решился вновь атаковать Плевну. В присутствии императора 26 августа началась бомбардировка Плевны, продолжавшаяся до 30 августа, когда произошел общий штурм, не увенчавшийся успехом, несмотря на ряд энергичных атак наших и румынских войск. Это было самое кровопролитное сражение за всю войну. Осадные войска насчитывали 85 тысяч человек, в том числе 32 тысячи румынских войск. Три месяца русские войска осаждали Плевну. Только 27 ноября было получено известие о сдаче турецкого гарнизона под командованием Османа-паши. Как главнокомандующий Николай Николаевич тотчас выехал навстречу турецкому паше, протянул ему руку и сказал по-французски: «Браво, Осман-паша! Мы все удивляемся вашей героической обороне и стойкости и гордимся иметь такого противника, как вы и ваша армия!» На следующий день в Плевне император Александр II собственноручно надел на великого князя Николая Николаевича ленту ордена Св. Георгия 1-й степени «за овладение твердынями Плевны и пленение армии Османа-паши, упорно сопротивлявшейся в течение 5 месяцев, доблестным умением находившихся под предводительством Его Высочества войск», а также наградил Георгиевскими крестами нескольких генералов. Николай Николаевич стал последним кавалером этой величайшей полководческой награды России [68].

Следующей важной стратегической задачей русской армии был переход через Балканские горы, что многие, в условиях начавшейся зимы, считали делом совершенно безрассудным. Утром 13 декабря генерал И. В. Гурко выступил за Балканы тремя колоннами, и после невероятно трудного похода через снежные горы, по обледенелым тропам, при жестоком морозе и вьюге, таща на плечах 4-фунтовые орудия, авангард западного отряда овладел выходами из Балкан, а кавалерия встала уже на Софийском шоссе. Неприятель был захвачен врасплох, благодаря чему русские войска потеряли всего 5 человек. Об этой радостной вести великий князь немедленно телеграфировал императору.

21 декабря было получено от И. В. Гурко донесение об окончательном переходе через Балканы. Это известие доставило великому князю огромную радость, так как новый успех наших войск давал ему шанс на славное окончание кампании, за которую придворные круги, печать, а за ней и значительная часть русского общества обвиняли великого князя. С переходом через Балканы, за которым последовали другие победы, а 24 декабря – взятие Софии, приближалось окончание всей войны. Тем более беспокоило великого князя положение отряда генерала Ф.Ф. Радецкого, которому предстояли действия на Шипке в очень тяжелой горной обстановке, а также беспокоила его крайняя необеспеченность войск самой необходимой одеждой, о чем он послал военному министру телеграмму: «Гвардейские войска остались в эту минуту – равно и офицеры и нижние чины – без сапог уже давно, а теперь окончательно без шаровар. Мундиры и шинели – одни лохмотья и то без ворса. У большинства белья нет, а у кого осталось, то в клочках и истлевшее. Прошу убедительно немедленной высылки всякого рода одежды и обуви для Гвардии. Даже турецкое одеяние, найденное и выданное офицерам и людям, уже все изорвалось при невероятно трудных и гигантских работах перехода через Балканы. Прошу уведомить о сделанных вами распоряжениях. Сделайте мне этот подарок на праздники» [68].

28 декабря 1877 г. была получена депеша генерала Ф.Ф. Радецкого о сдаче всех турецких войск генерала Весселя-паши в количестве 10 батарей, 41 батальона и 1 полка кавалерии и занятии Казанлыка князем П. Д. Святополк-Мирским, а Шипки – М. Д. Скобелевым. Радость великого князя, а затем и всего войска и населения была чрезвычайная: звуки русского гимна, покрываемого неумолкаемым «ура», сливались с радостным перезвоном колоколов церквей, где совершались благодарственные молебны. Императору великий князь отправил телеграмму следующего содержания: «Армия Вашего Величества перешла Балканы, и русские знамена победоносно развеваются на всем протяжении от Софии до Казанлыка». В день нового 1878 г. император поздравил великого князя и прислал ему новую награду – золотую саблю, украшенную алмазами, с надписью: «За переход через Балканы в декабре 1877 года», выражая благодарность за которую великий князь телеграфировал государю, что ему эта «награда доставила огромное удовольствие, тем более, что получил ее сегодня в Казанлыке, после того как перешел лично Балканы».

Великий князь подписал в Андрианополе 19 января 1878 г. предварительные условия мира и заключил перемирие. Николай Николаевич был награжден орденом Святого Георгия [87].

10 апреля 1878 г. к великому князю прибыла болгарская депутация, вручившая ему для поднесения императору адрес с более чем 100000 подписей болгар и выразившая и ему лично «благодарность болгарского народа за великие труды и всякого рода трудности и опасности, перенесенные Его Высочеством во главе непобедимого русского воинства в войне за освобождение Болгарии» [68].

По окончании войны Николай Николаевич Старший был пожалован высшим чином русской армии – званием генерал-фельдмаршала.

Нужно отметить, что многие военные любили великого князя, считали его сердечным, внимательным, энергичным человеком, не лишенным чувства юмора, ценили его присутствие духа в сложных ситуациях. Отмечали, что он мог разговаривать на равных как со старшими офицерами (генералами), так и с младшим командным составом. С другой стороны, некоторые современники отмечали, что как стратег и тактик он не пользовался авторитетом, а больше действовал как расторопный администратор. И именно мужество солдат и подвиги офицеров принесли России победу, несмотря на далеко не блестящее стратегическое дарование командующего. Тем не менее план переправы через Дунай, равно как план зимнего перехода через Балканы всецело принадлежали великому князю [68].

С 1880 г. он был тяжело болен (злокачественная опухоль десны) и активной государственной и военной роли не играл. Умер великий князь Николай Николаевич Старший 13 (25) апреля 1891 г. в Алушке. Погребен в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

Ил. 4. Великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909)

3. Великий князь Михаил Николаевич Романов, четвертый Младший сын императора Николая I, покоритель Кавказа, один из самых деятельных наместников в этой беспокойной части Российской империи.

В 20 лет великий князь Михаил был генерал-майором, командиром конно-артиллерийской бригады, генерал-фельдцейхмейстером. В этих чинах он и встретил Крымскую войну (1853–1856). Император Николай I, отправляя своих сыновей Николая и Михаила в действующую армию, напутствовал их так: «Если есть опасность, то не моим детям удаляться от нее, а собою подавать пример!»

Оба великих князя получили боевое крещение в военных действиях под Севастополем, в частности в Инкерманском сражении 24 октября (5 ноября) 1854 г. В тот день русские войска без должной подготовки атаковали позиции объединенного противника, но из-за густого тумана сражение разбилось на ряд отдельных схваток. Вооруженные новыми нарезными штуцерами, англичане и французы расстреливали атакующие колонны с большого расстояния, не давая сойтись в штыковом бою. Генерал князь А. С. Меншиков утратил управление боем. Подоспевший 2-й французский корпус вынудил русские войска отступить, понеся серьезные потери. За отличие в бою у Инкерманских высот великий князь Михаил и его брат 7 (20) ноября 1854 г. были награждены орденом Святого Георгия 4-й степени. Михаилу Николаевичу орден был вручен «в воздаяние за мужество, оказанное им в сражении при Севастополе 24

октября, и за неустранимость, коею он отличился при посещении после того Севастопольских бастионов и батарей, под смертоносным неприятельским огнем» [64].

Армия, да и Россия в целом оказались к Крымской войне не готовы. Время пребывания великого князя Михаила Николаевича на посту командующего всей русской артиллерией (с января 1856 по январь 1863 г.) совпало с периодом коренных реформ в русской артиллерии, вызванных, прежде всего, переходом от гладкоствольного к нарезному вооружению. В ходе этих преобразований было реорганизовано обучение артиллеристов, оборудовались новые артиллерийские полигоны, создан специальный артиллерийский комитет. Михаил Николаевич проявил себя в высшей степени вдумчивым и практичным руководителем. И в том, что российская артиллерия преодолела кризис, выявленный Крымской войной, – немалая, если не решающая, его заслуга.

Нарезные орудия сразу доказали свое преимущество перед гладкоствольными пушками. На вооружение русской армии они были приняты уже в 1858 г. – при равном калибре масса снаряда и дальность выстрела увеличились в два раза. В 1860-е гг. в войска начали поступать новые артиллерийские системы. В 1867 г. принята на вооружение трехфунтовая горная пушка, заряжавшаяся с казенной части, а не со ствола. А к 1870 г. артиллерийский парк русской армии был полностью переведен на нарезные стволы. Параллельно происходил отказ от использования при изготовлении стволов бронзы и переход на сталь. Впервые пушку со стальным стволом изготовил русский оружейник Яков Зотов в 1812 г., однако всеильный А. А. Аракчеев сумел доказать царю, что у подобного направления в развитии артиллерии нет будущего. В середине XIX в. идею перехватил Альфред Крупп. С 1877 г. орудия со стальными стволами появились и в России. Параллельно в России шли работы по созданию современных орудийных лафетов. Вот лишь краткий список людей, которые в той или иной степени работали на артиллерию в тот период. Математики Н. И. Лобачевский, П. Л. Чебышев, М. В. Остроградский занимались вопросами баллистики и теоретической разработкой принципов прицела. Химики Семён Панпушко и Дмитрий Менделеев занимались разработкой порохов, Григорий Забудский – взрывчатыми веществами. Металлурги Павел Аносов, Павел Обухов, Николай Калакуцкий вели исследования в области сплавов; уникальные многослойные стволы – детище Акселя Гадолина, идеи которого являются классикой по сей день. Появились совершенные прицелы, разработанные В. Петрушевским и С. Каминским [64].

Однако пушки не стреляют сами по себе. С совершенствованием пушек возрастали требования к офицерским кадрам. Благодаря хлопотам Михаила Николаевича в Петербурге было открыто новое учебное заведение – Константиновское артиллерийское училище. Офицеры повышали профессиональную подготовку в специально созданной школе. Большое внимание уделял Михаил Николаевич практической подготовке канониров. Артиллеристы постоянно упражнялись в стрельбе. Для поощрения самых лучших из них был учрежден специальный кубок генерал-фельдцейхмейстера.

В декабре 1862 г. великий князь был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени – редкой наградой для членов императорской фамилии. Тогда же он назначается заместителем на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией. Это был самый ответственный период жизни великого князя Михаила Николаевича. С 6 декабря 1862 г. по 27 июля 1881 г. пребывал он заместителем на Кавказе; с 19 апреля 1864 г. был главнокомандующим Кавказской армией, а с 1865 г. – командующим войсками Кавказского военного округа.

13 (26) октября 1863 г. великий князь Михаил Николаевич был назначен шефом Нго Стрелкового батальона. В мае 1864 г. великий князь участвует в походе против горцев на Черноморском побережье Кавказа в районе Адлера. Именно в эти годы происходит окончательное «усмирение» Чечни и Дагестана. За Россией наконец закрепляются Предкавказье и Западный Кавказ. 15 (30) июня 1864 г. «за окончание Кавказской войны» Высочайшим манифестом Александр II жалует великого князя Михаила орденом Святого Георгия 2-й степени. Именно

Михаилу Николаевичу довелось заканчивать длительную Кавказскую войну, налаживать в крае мирную жизнь. В качестве наместника он зарекомендовал себя отличным администратором, последовательным реформатором, чутко учитывающим местные особенности.

В это же время на Кавказе великий князь проводил реформы, которые в те годы велись по всей России: освобождение крестьян, реформа крестьянского и народного управления, судебная, административная и военная реформы, усовершенствование путей сообщения и реформирование финансовой сферы, а также преобразования в области судопроизводства. По словам С.Ю. Витте, великий князь Михаил Николаевич оставил о себе на Кавказе самые лучшие воспоминания.

Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. великий князь стал главнокомандующим действующей русской армией на «азиатском театре» – Кавказской армией. Первый же удар, нанесенный по турецким войскам, стал для них полной неожиданностью. Имея подавляющее преимущество в силах, турки не ожидали нападения, поэтому в приграничных столкновениях потерпели ошутимые поражения. Впрочем, они оправались быстро, постепенно положение на Кавказском фронте выровнялось и даже стало клониться в пользу турецких войск. Тогда в район боевых действий прибыл Михаил Николаевич со своим начальником штаба генералом Н. Н. Обручевым. 27 сентября они стали готовить армию для нанесения сокрушительного удара по турецким войскам. Под их общим командованием в сражении 2 и 3 октября на Аладжинских высотах турецкая армия Мухтара-паши была полностью уничтожена. Турки потеряли 15 тысяч человек убитыми, а также всю артиллерию, которая досталась русским. Через несколько дней, 9 (22) октября 1877 г., за «разбитие наголову Кавказскими войсками армии Мухтара-паши в кровопролитном бою 3 октября 1877 г. на Аладжинских высотах и принуждение большей части оной сложить оружие» великий князь Михаил Николаевич был награжден орденом Святого Георгия 1-й степени. Так Михаил Николаевич стал 24-м кавалером высшего военного ордена Российской империи.

Опять же, по мнению некоторых современников, великий князь Михаил Николаевич не обладал талантами военачальника и не проявил на этом посту ни необходимой энергии, ни военного искусства. Ряд успехов Кавказской армии был в большей степени связан именно с деятельностью генералов, которые воевали на Кавказе рядом с ним. Штурм Карса, которым 6 ноября 1877 г. руководил М. Т. Лорис-Меликов, но подготавливал великий князь, по сути, поставил точку в активных боевых действиях на Кавказе. За успешное руководство боевыми действиями на Кавказском театре военных действий 16 (29) апреля 1878 г., по окончании Русско-турецкой войны, 45-летний великий князь Михаил Николаевич был произведен в высший военный чин Российской империи – генерал-фельдмаршала, став последним представителем дома Романовых, пожалованным этим воинским чином. Никто больше не имел после Михаила Николаевича все высшие русские воинские и гражданские награды империи и чин генерал-фельдмаршала. Это был пик воинской славы великого князя [64].

В качестве генерал-фельдцейхмейстера он продолжал заниматься делами русской артиллерии. Служба великого князя Михаила Николаевича на этом посту проявила все присущие ему способности и таланты в военном деле. Артиллерия была перевооружена новыми орудиями образца 1877 г. с хорошими баллистическими качествами; в 1889–1894 гг. было сформировано пять мортирных полков по четыре-пять батарей в каждом; в 1891 г. – горно-артиллерийский полк, в котором испытывались горные орудия различных образцов.

Необходимо особо отметить исключительный авторитет великого князя Михаила Николаевича в клане Романовых. К его мнению прислушивались все. При этом сам он с подчеркнутым уважением относился к царскому авторитету. В последние годы жизни, начиная с 1903 г., будучи тяжелобольным и частично парализованным, большую часть времени он проводил на юге Франции, отойдя от государственных и общественных дел. В 1905 г. он вышел в полную отставку. Великий князь Михаил Николаевич скончался от паралича сердца 5 (18) декабря

1909 г. на 78-м году жизни. Умер он на своей вилле «Вейден» в Каннах, близ Ниццы. Со всеми подобающими почестями 23 декабря 1909 г. (5 января 1910 г.) прах великого князя Михаила Николаевича был захоронен в Санкт-Петербурге в Петропавловском соборе. Его смерть во многом ознаменовала приход новой эпохи, в которой ему уже не нашлось бы места [64].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.